

коренным образом изменяются под воздействием преобразования социальной структуры современной деревни и постоянного роста благосостояния населения. Те же причины обусловили широкое использование в интерьере фабричных изделий.

Развитию народной скульптуры в период социализма был посвящен доклад К. Чербуленаса (Ин-т архитектуры и строительства при Министерстве строительства ЛитССР) «Композиционные особенности современной народной скульптуры». Докладчик рассмотрел новое явление в литовском народном искусстве — коллективное создание сложных скульптурных ансамблей, посвященных памяти знаменитых людей и историческим событиям, раскрыл их композиционные особенности, охарактеризовал соотношение традиционных и новых черт в современном творчестве народных мастеров.

П. Кальняус (ИИ АН ЛитССР) в докладе «Некоторые вопросы взаимоотношений членов рабочей семьи Литовской ГРЭС», посвященном анализу внутрисемейных отношений рабочих поселка городского типа — Электренай, показал определяющую роль в складывании взаимоотношений членов семьи таких факторов, как национальные традиции, социальное и географическое происхождение супругов, их возраст, образование и профессия, а также отметил возрастающую роль женщины в семье, особенно в управлении бюджетом, и общую тенденцию к увеличению равноправия членов семьи.

Три доклада были посвящены проблемам интеграции материальной и духовной культуры в ходе исторического развития.

Докладчики отмечали, что многие явления в период феодализма и капитализма имеют распространение на территориях, выходящих за пределы расселения одного этноса, а продолжительность их бытования зависит от ряда местных условий, прежде всего от интенсивности сельского хозяйства и его направления.

А. Вишняускайте (ИИ АН ЛитССР) в докладе «Обычаи при посеве льна у восточных литовцев и западных белорусов во второй половине XIX — начале XX в.» показала, что в изучаемый период в одной из зон, где происходил наибольший контакт между литовцами и белорусами (она охватывает Восточную Литву и Западную Белоруссию), бытовали сходные обычаи, связанные с посевом льна. Докладчица выявила ряд закономерностей бытования магических способов предсказания будущего урожая, показала обряды, совершавшиеся с целью повышения урожая. Распространенность этих обрядов обусловлена экстенсивностью льноводства в данном ареале и исключительной ролью женщины при льноводческих работах.

В докладе Я. Ланяускайте (ИИ АН ЛитССР) «Конструкция и форма рабочих саней в конце XIX—XX в.» анализировалось развитие саней с малоизогнутыми, соединенными двумя перекладинами полозьями. Было высказано предположение, что сани такого типа в Литве появились в результате контактов с Польшей и Пруссией. Они вытеснили в западной, юго-западной и отчасти средней Литве сани более архаичного типа, близкого к восточному.

О влиянии социально-экономических условий, этнических контактов и технического прогресса в период феодализма, капитализма и социализма (XIX—XX вв.) на объем и способы производства корма-сечки говорилось в докладе Р. Меркене (ИИ АН ЛитССР) «Производство сечки в Литве в XIX—XX вв.». Она затронула вопросы развития сечарен, распространения их типов в Литве и соседних странах.

Заключая конференцию, В. Моркунас отметил органическую связь исследований, посвященных прошлому и настоящему, высказал пожелание, чтобы в дальнейшем этнографы ЛитССР расширяли изучение межэтнических контактов, а также быта и культуры национальных меньшинств республики.

Р. В. Меркене

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР В ЯПОНИИ

В ноябре 1977 г. в Японии, на территории парка выставки ЭКСПО-70 (г. Осака), открылся Японский национальный музей этнологии (НМЭ). Четырехэтажное здание музея построено по проекту известного японского архитектора К. Курокава. Общая площадь, занимаемая национальным музеем, составляет 41 тыс. м², из них 29% отведено под экспозиционные залы, 19% под хранилища и фонды, 18% занимает информационный центр, 14% — кабинеты для научной работы, 20% — административный отдел.

Национальный музей этнологии состоит из собственно музея и исследовательского этнологического центра и должен отвечать следующим задачам: служить центральным научно-исследовательским институтом в Японии; выступать как национальный этнологический информационный центр; быть музеем, открытым для широкой публики, кооперируясь с государственными и другими университетами, осуществлять руководство научной работой студентов в период их обучения.

НМЭ является одним из семи исследовательских институтов, входящих в Национальную корпорацию университетов, что позволяет ему привлекать к своей работе преподавателей и студентов университетов.

Внутреннюю структуру НМЭ составляют административный отдел, информационный центр, пять научно-исследовательских отделов, подразделяющихся на сектора.

В административный отдел входят секторы координации, финансов, экспозиции, планирования и технического оснащения. Информационный центр делится на секторы документации (библиотечной, аудиовизуальной и пр.) и информационной технологии, работающей с компьютерами.

В число научно-исследовательских отделов входят четыре региональных и отдел, занимающийся кросскультурными проблемами.

Первый региональный отдел состоит из пяти секторов, три из которых занимаются этнографией Восточной Азии, один — этнографией Центральной Азии и один — Северной Азии.

Второй региональный отдел делится на четыре сектора: два по этнографии Юго-Восточной Азии, один — Южной Азии и один сектор — Западной Азии.

Третий региональный отдел имеет в своем составе четыре сектора: два, работающих над проблемами этнографии Африки, и два — Европы.

Четвертый региональный отдел состоит также из четырех секторов, из которых два изучают этнографию Америки и два — Океании.

Отдел кросскультурных проблем имеет секторы народного искусства, традиционной техники, земледельческой культуры и сектор, изучающий вопросы применения в этнологии компьютеров.

Штат Национального музея этнологии на 1 августа 1977 г. составляли 98 постоянных и 32 временных сотрудника. Из числа постоянных работников 45 должны работать в исследовательских отделах, 53 — в административном отделе и технических службах. В дальнейшем планируется довести постоянный состав до 133 человек.

Бюджет НМЭ на финансовый год планируется в 3.449.922.000 иен (ок. 9,97 млн. руб.).

В основу фондов музея положена коллекция, собранная его директором профессором Т. Умесао. Кроме того, часть экспонатов поступила от сотрудников музея и из Токийского государственного института антропологии и Национального института японской литературы. Коллекции музея насчитывают около 50 тыс. экспонатов. Предполагается, что в дальнейшем количество экспонатов в музее будет доведено до 200 тыс. Нумерация — сквозная — на ЭВМ.

В девяти экспозициях музея — по народам Восточной Азии (японская культура), Юго-Восточной Азии, Западной Азии, Африки, Америки, Европы, а также музыкальных инструментов и лингвистики — экспонируется около $\frac{1}{10}$ собрания музея. На последних демонстрируются образцы рукописных текстов разных народов, внеграфическое письмо (*кипу*), фонетические таблицы и т. д.

Расположение экспонатов полностью подчинено решению дизайнера. Внешние свойства каждого предмета великолепно обыграны, чему способствует цвет панелей, на которых экспонируются вещи, сочетание рассеянного и направленного света. Пояснительные тексты и этикетки практически отсутствуют и, по мнению сотрудников НМЭ, не нужны, так как задерживают поток посетителей. Естественно, что при таком подходе ценность экспонатов как исторических источников снижается.

Основная цель экспозиции Национального музея этнологии состоит в том, чтобы дать посетителю возможность перешагнуть через национальный барьер, перестать ощущать чужую культуру как не свою. Цель весьма благородная, но осуществляется она методами, неприемлемыми для советского музееведения. Большая часть экспонатов расположена так, чтобы посетители могли их свободно касаться и можно было играть на музыкальных инструментах и т. д. В музее широко используются копии, выполненные настолько мастерски, что их трудно отличить от оригиналов (указания на то, что это копия, нигде не дается). Такая система организации экспозиций сотрудниками НМЭ рассматривается как эксперимент, как работа «музея нового типа».

Экспозиционные залы музея дополняются 37 телевидеобоксами и 3 аудиобоксами, где можно прослушать 170 записей народной музыки и просмотреть 340 цветных фильмов на 30 различных языках.

Национальный музей этнологии привлекает большое число посетителей, экспозиционные залы и видеотека переполнены. Наплыв посетителей в первые дни явно превысил предполагаемую цифру, и сотрудники музея начинают испытывать озабоченность проблемой сохранности экспонатов.

Появление такого крупного центра, как Японский национальный музей этнологии, — весьма примечательное событие для этнографической науки. Многие принципы его работы являются новаторскими, причем некоторые — весьма спорными, и тем более интересно, каков будет дальнейший путь развития этого крупного научного центра.

В. А. Дмитриев